

Большасць наватвораў В. Ластоўскага засталася пераважна набыткам 20-х гг. мінулага стагоддзя. Набыткам цікавым і каштоўным, які сведчыць пра вялікі патэнцыял нашае мовы. Сучасныя беларускія пісьменнікі, да прыкладу П. Васючэнка, выкарыстоўваюць іх у сваіх творах: «Сядзелі нос к носу ў *працоўні*, асветленай сумным вечаровым промнем, – два людскія стварэнні» [8, с. 36].

Літаратура

1. *Станкевіч Ян*. Збор твораў: У 2 т. Мн.: Энцыклапедыкс, 2002. Т. 1. 552 с.
2. Беларуская мова: Энцыклапедыя / Пад рэд. А. Я. Міхневіча. Мн.: БелЭн, 1994. 655 с.
3. *Казейка І. П.* Паняцце неалагізма ў сучасным мовазнаўстве // Беларуская лінгвістыка. 1988. Вып. 34. С. 14–19.
4. *Ластоўскі В.* Выбраныя творы. Мн.: Беларускі кнігазбор, 1997. 512 с.
5. Этимологический словарь славянских языков. М.: Наука, 1985. Вып.12. 186 с.
6. *Пашкевіч А.* Зваротныя дарогі. Проза беларускай эміграцыі ХХ ст. Беласток: БЛА, 2001. 238 с.
7. *Лемцюгова В. П.* Украінска-беларускі слоўнік. Мн.: Выш. Шк., 1980. 688 с.
8. *Васючэнка П.* Белы мурашнік. Мн.: Мастацкая літаратура, 1993. 112 с.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ЛЕКСИКОЛОГИИ (В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ СОСТАВЛЕНИЯ СЕРБСКОГО ЧАСТОТНОГО СЛОВАРЯ)

Н. В. Супрунчук

Введение

Одной из важнейших характеристик слова является его частотность. Она связана с целым рядом других особенностей слов, отражает их поведение, природу, значение, важность. Частотность – комплексная характеристика слов, его диагностический, объективный параметр.

В поисках единства

К сожалению, в лексикографии, в составлении словарей все еще встречается субъективный подход, решения и оценки на основе личностных предпочтений. Вот примечательное замечание: «На вопрос, из скольких составляющих и каких именно оно (предложение *Ребенок смеется*) состоит, человек, не занимающийся лингвистикой, вероятнее всего, ответит: «Из двух слов – *ребенок* и *смеется*». Что скажет лингвист, предугадать несколько труднее» [1, с. 17]. Чтобы это высказывание не звучало столь парадоксально и натянуто, проиллюстрируем его примерами из других языков: *dete se smeje* (сербск.), *A/The child*

laughs (англ.), но также и *A/The child is laughing*. Более того, поведя разговор о нескольких субъектах, мы заметим удивительную вещь: изменение числа субъекта изменяет количество слов в предложении: *Children laugh*. Внесем значение определенности – и количество слов изменится вновь: *The children laugh* (или *The children are laughing*).

Подобные споры о статусе, самостоятельности, отдельности некоторых слов и даже целых групп слов в русском, белорусском, сербско-хорватском языках общеизвестны и, пожалуй, уже привычны. «Об исходной форме слова нет теории» [2, с. 16]. Л. Н. Засорина высказывается еще более резко: «Определение тождеств и различий речевых единиц, иначе вопрос об отдельности слова, – кардинальная проблема лексикографии и лексикостатистики» [3, с. 11].

Сербский частотный словарь

В своей работе мы ограничились материалами современных сербских газет за 1999–2002 гг. Длина проанализированных фрагментов – 100 тысяч словоупотреблений, объем словаря слов – 9 286 единиц, объем словаря словоформ – 19 605 единиц.

В процессе работы мы пришли к выводу, что при разработке стратегии составления ЧС необходимо учитывать следующее.

1. Ориентация на машинную обработку.

Хотелось бы как можно больше поручить машине. Компьютер может разбивать, группировать текст, производить простейшие подсчеты слов. Однако приемлемые морфологические анализаторы до сих пор не созданы, из-за чего предсловарная обработка текста остается неизбежным этапом.

2. Возможность использовать большие объемы текста.

Существуют большие объемы текстов на машинных носителях. Теперь исследователь может выбирать тексты по своему вкусу, быть предельно требовательным в отборе авторов, жанров и произведений. При необходимости несложно заменить тот или иной текст, проверить результаты на другом материале. Похоже, что время ссылок на недоступность произведений, трудность их обработки проходит, а вследствие этого все более сомнительной становится ценность малых частотных словарей и частотных словарей на малом материале.

3. Целесообразность проверки, ее тщательность.

Эта особенность связана с двумя предыдущими. С одной стороны, проверять стало проще (машина все делает быстро, способна хранить долго и много), с другой стороны, хотелось бы свести к минимуму человеческие усилия на первых этапах как наиболее трудоемких. Надо

определить, в каких случаях следует прояснять неясности, непонятные прочтения и как это лучше делать. Большие объемы при ручной проверке оказываются отрицательным свойством.

Проблемы

Не останавливаясь детально на правилах сведения словоформ к словам, укажем лишь наиболее важные проблемы, с которыми мы столкнулись и которые требуют принципиального разрешения при составлении частотных словарей сербского языка.

Проблемы универсальные (которые можно условно обозначить как омонимия, имена собственные, цифры, иноязычные включения, исходная форма, выборка, подвыборка, самостоятельность и отдельность слова, сложные слова, представление национальностей и названий жителей, супплетивизм, сокращения, разграничение речевой и языковой конверсии, фразеологизмы и устойчивые сочетания).

Проблемы специфические для сербского языка (условно обозначим их как энклитики, возвратность – пассивность, повышенная вариантность, разноречие кодировок, екавская и экавская нормы литературного языка, репрезентативная форма имени прилагательного).

«Энклитики». Личные местоимения в сербском языке, кроме полных, имеют еще и краткие формы родительного, дательного и винительного падежей: *ја – ме, ми, ме; ти – те, ти, те; он, оно – га, му, га; она – је, јој, је/ју* и т. д. Кроме совпадения форм внутри самого класса энклитик, форма местоимения *она* омонимична форме третьего лица единственного числа глагола *бити – је*. Это выводит нас к традиционной проблеме омонимии (омоформии).

Кроме того, в сербском языке довольно распространены конструкции с так называемым дательным принадлежности, типа: *отац ми је возач* ‘мой отец – водитель’, *кућа му прокишњава* ‘у него (в доме) протекает крыша’, *места су нам одвратна* ‘места у нас отвратительные’. В таких сочетаниях употребляются формы личных местоимений, а значение здесь такое же, как если бы было сказано *мој отац је возач, његова кућа прокишњава, наша места су одвратна*, то есть если бы были употреблены притяжательные местоимения.

Пассивность – возвратность. Еще одна особенность связана с употреблением глагольных энклитик. Сравним предложения *Бранио сам нацрт закона – Министар је бранио нацрт закона* и *Нашао сам се у неприлици – Министар се нашао у неприлици*. Предложения эти построены в перфекте, для образования которого в сербском языке

используются энклитические формы вспомогательного глагола *бити* в форме настоящего времени. Однако в третьем лице единственного числа у возвратных глаголов энклитическая форма *је* не употребляется, так как она редуцировалась в соседстве с возвратной энклитикой *се*.

Таким образом, парадигма возвратного глагола в третьем лице перфекта отличается от парадигмы глагола невозвратного (или, шире, парадигма глагола при наличии энклитики *се* отличается от парадигмы глагола при ее отсутствии).

С этой же энклитикой *се* связана и более общая проблема возвратности – пассивности. Нам не всегда ясно, как обрабатывать сочетания глагола с *се*. Так, в сербском языке есть ряд глаголов, которые только и существуют в возвратной форме (*смејати се*, *бојати се*). Наличие *се* при них обязательно.

Существуют глаголы типа *купати (се)* ‘купать (ся)’, *чешљати (се)* ‘чесать, расчесывать (ся)’, где наличие *се* модифицирует значение.

Факультативная возвратность: *играти (се)* ‘играть; танцевать’, *дотаћи (се)* ‘коснуться, дотронуться’, *навикнути (се)* ‘привыкнуть’, *шетати (се)* ‘гулять, бродить’, *бринути (се)* ‘беспокоиться, заботиться’, *одмарати (се)* ‘отдыхать’ и др. Значение не зависит от наличия *се*.

К четвертому случаю мы отнесли довольно специфические конструкции типа *не иде ми се* ‘мне не хочется идти’, *једе нам се* ‘мне хочется есть’, *чита му се* ‘ему хочется читать’.

В сербской политической публицистике часто встречается безличное (пассивное) употребление глаголов, например: *зна се* ‘известно, знают’, *прича се* ‘говорят, рассказывают’, *стиче се утисак* ‘создается впечатление’, *о томе се више не разговара* ‘об этом больше не разговаривают (не говорят; не ведутся переговоры)’ (Б. Станкович выделяет еще большее количество случаев употребления *се* [4, с. 41–50]).

Известный сербский ученый Ирена Грицкат оспаривает корреляцию *сав* (ед. ч.) – *сви* (мн. ч.), считая эти формы разными словами. Более того, она предлагает считать, что местоимение *сваки* в одном из своих значений соотносимо с местоимением *сви* [5].

Заключение

Безусловно, вряд ли все упомянутые здесь проблемы одинаково важны и принципиальны. Влияние того или иного решения по тому или иному вопросу следует проверить количественно, то есть установить, какие изменения произойдут при учете, например, формы компаратива как самостоятельной, или при тщательном разграничении

омонимов, или при пословном учете составных наименований и сложных слов и т. п.

Литература

1. *Абрамов Б. А.* К проблеме слова // Слово в грамматике и словаре. М.: Наука, 1984. С. 15–27.
2. *Тимофеев В. П.* Исходная (словарная) форма слова в русском языке. Свердловск: Свердловский гос. пед. ин-т; Шадринский гос. пед. ин-т, 1971. 185 с.
3. *Засорина Л. Н.* Автоматизация и статистика в лексикографии. Л.: ЛГУ, 1966. 126 с.
4. *Станковић Б.* Лексикографски огледи. Београд: Славистичко друштво Србије, 1999. 154 с.
5. *Грицкат И.* Поводом заменица *sav, сваки* (и сродних речи) // Наш језик. 1997. XXXII / 1–2. С. 1–6.

«ФИЛОСОФСКИЙ КАМЕНЬ»: ПРОБЛЕМА ЖАНРА

А. А. Счастливая

Споры о жанровой модификации данного романа продолжаются по сей день. Французский исследователь Мадлен Боргомано относит роман к жанру исторического. Такую же позицию занимает Л. Г. Андреев. В. В. Бикульчос относит М. Юрсенар к авторам, тяготеющим к жанру философского романа. Ю. Н. Давыдов предполагает симбиоз философского и исторического изложений материала, определяя жанр как роман философско-исторический. Целью работы является определить жанровую модификацию романа «Философский камень». Избрав метод от противного, выделим признаки исторического романа. Н. Е. Знаменская дает следующее определение жанра: «Историческим романом является произведение, созданное на основе принципа историзма, обладающее четкими признаками – временная дистанция, наличие исторической личности или личностей, исторический колорит, изображение значительного конфликта или события, собственно историко-художественной проблематики» [1, с. 5].

При первичном прочтении романа спорных моментов по поводу жанра практически не возникает. Эпоха, в которую развиваются события романа, достоверно представлена как эпоха Возрождения. Наблюдается наличие реальных исторических фигур: королева Екатерина, представители семейства Медичи, Генрих II. В романе описываются такие исторические события, как вспышка чумы 1549 г., восстание анабаптистов в Мюнстере, беспорядки в Антверпене (1566 г.).